

В контексте темы номера редакция обратила внимание на вышедшую в издательстве «Европа» книгу Андрея Ашкерова «Экспертотократия. Управление значениями: Производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма». Новая книга откровений об устройстве власти над миром доступна по цене, но явно элитарна по скрытым в ней мыслям – считает аналитик Роман Евстифеев.



Роман Евстифеев,

политолог,
кандидат политических наук,
руководитель Владимирского
регионального отделения
Российской ассоциации
политической науки,
доцент Владимирского филиала РАГС.
Владимир,
roman_66@list.ru
<http://evstifeev.livejournal.com/>

Суверенная экспертотократия, или Сны о чём-то большем

Автор, Андрей Ашкеров, названный в аннотации к книге «самым молодым доктором философских наук в России» и почему-то «одним из немногих публичных отечественных мыслителей», поставил перед собой почти технологическую задачу — исследовать издержки диктатуры менеджмента экспертотократии. Однако подробного описания этих самых издержек читатель там не найдёт. По всей видимости, была у автора и иная, скрытая задача. Намёк об этом в традиционной для отечественного книгоиздания характеристике, предполагаемой аудитории: «Для широкого круга читателей, интересующихся борьбой за концептуальную власть»¹.

¹ Кстати, эту фразу сам Ашкеров приписывает господину Павловскому, главному редактору издательства «Европа». Авторская же редакция этой фразы звучала несколько иначе: «Для широкого круга читателей, интересующихся современной борьбой за дискурс» - <http://ashkerov.livejournal.com/154431.html>. Вот за какие тонкости идет нынче идейная борьба.

Главная идея. Что новенького?

Когда-то коллега Андрея Ашкерова по философскому ремеслу Артур Шопенгауэр, предваряя свою знаменитую книгу «Мир как воля и представление», писал: «Я хочу объяснить здесь, как следует читать эту книгу, для того, чтобы она была, возможно, лучше понята. То, что она должна сообщить, заключается в одной единственной мысли. И, тем не менее, несмотря на все свои усилия, я не мог найти для её изложения более короткого пути, чем вся эта книга»². Далее Шопенгауэр рекомендовал для лучшего понимания читать свою книгу минимум два раза.

Уже одного прочтения новой книги А. Ашкерова оказалось вполне достаточно, чтобы понять: скорее всего «Экспертократия» была написана не ради одной мысли, как у Шопенгауэра, а ради только одного слова! И слово это честно поставлено первым в названии книги. По утверждению автора книги, он сам его и придумал³. Продвижению этого термина и посвящен скромный труд А. Ашкерова. Размышления автора изложены тяжело-весно. Нагромождение сложноподчинённых предложений мы встречаем в любом философском трактате, но можно ли признать это свойство текста очевидным достоинством?

Сами названия глав, к сожалению, мало что дают для понимания авторского замысла: «Образование как реальность», «Институализация универсального знания», «Экспертократия», «Производство истины», «Исследовательский университет», «Информационная экономика», «Общество, основанное на знаниях», «Капитализация человеческого в человеке», «Образование в системе ультракапитализма», «Модернизация целей». Скорее это похоже на набор ключевых слов некоего пост-модернистского «текста», или, если угодно, дидактических единиц, или даже маркеров, определяющих принадлежность автора к особому мыслительному направлению.

² Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Соч. в 5-ти томах. М., «Московский клуб», т.1., 1992. С.39.

³ «Вышла новая книга «Экспертократия. Управление знаниями», где я раскрываю придуманный мной термин «экспертократ»». Взято из ЖЖ А.Ашкерова - <http://ashkerov.livejournal.com/154431.html>.

ЭКСПЕРТОКРАТИЯ управление знаниями

Андрей Ашкеров

ПОЛИТУЧЕБА



Тавис об управленности знаний снижает эксперткратию привилегированным доступом к реальности, когда любые социальные изменения воспринимаются как следствия менеджериальной революции. Новая книга одного из немногих отечественных публичных мыслителей Андрея Ашкерова посвящена исследованию лидер-

жес диктатуры менеджериальной эксперткратии. Автор вводит подлинное производство истины и знания и обучения - научеческой деятельности. Для широкого круга интересующихся борьбой за центральную власть.

Проблематика книги Ашкерова не нова. Тема взаимодействия власти, знания и носителей этого знания — едва ли не самая древняя в истории человечества. Начиная с самых первых философских систем вплоть до сегодняшнего дня, она остаётся центральной в любом философском дискурсе. Самый молодой доктор философии в России, конечно, не мог обойтись без повторений пройденного. Чтение «Эксперткратии» похоже на путешествие в современном автомобиле по знакомым и порой любимым местам. Мы несколько раз встречаемся с добрым десятком обязательных постмодернистских авторов. Проблемы и вопросы довольно свободно себя чувствуют в книге, перетекая из главы в главу без ответов и выводов. Обилие глав (10 глав на 110 страниц книги) и подглавок при ограниченном количестве затрагиваемых проблем приводит к нехватке дефиниций, преодолеваемой либо перестановкой слов, либо банальным повторением. В результате, например, подзаголовок «Самореализующаяся программа» повторён в двух различных

Суверенная экспертократия, или Сны о чём-то большем

главах (с. 18, с. 69), и читатель недоумевает: то ли это особый методологический приём автора, то ли одно из важнейших сквозных понятий.

Почти со всеми упоминаемыми мыслителями Андрей Ашкеров согласен. Умные цитаты всецело подтверждают его, почти единственного публично-го мыслителя в России, точку зрения. Это, конечно, означает, что и Бурдье, и Фуко, и Хабермас, и Кастельс и даже Маркс, все они солидарны с Ашкеровым в том, что «проблема современного общества, которое связано с режимом экспертократии и кажется «основанным на знании», состоит в том, что технологические возможности, связанные с тиражированием, обработкой и передачей информации, существенно превышают возможности по её качественному видоизменению» (с. 7).

Правда, меж ссылок на авторитеты угадывается и авторская позиция. Но настолько зашифрованная, что добраться до неё весьма затруднительно. Игра ли это в классики, произвольный эффект или специальное запутывание читателя? Трудно сказать. И всё же, следуя традиционным обязанностям рецензента, попытаюсь обобщить представленные в работе размышления.

Итак, тезисы «по мотивам» книги Ашкерова:

1. В современном мире технологические возможности создания и передачи информации превысили возможности производства уникальной качественной информации.

2. Превращение информации в капитал в результате становления медийной инфраструктуры порождает экспертократию как особый род символической власти.

3. Власть экспертократии, основанная на спекуляции открытостью информации, меняет всю структуру оборота информации, превращая образовательную и исследовательскую деятельность в сервисные виды деятельности. Изменяются роли и функции традиционных институтов передачи знаний.

4. Символический капитал полностью подчиняет себе процесс социализации,

технологизирует и сокращает социальные роли и саму свободу человеческого выбора.

5. Истинно человеческое в человеке исчезает, а его место всё больше и больше занимают искусственные свойства и характеристики, которые ловко выдаются за присущие человеку качества.

6. Вопрос «Что делать?» пока остаётся открытым.

Конечно, внимательный читатель тут же поймёт, что эти тезисы скомпилированы именно «по мотивам» книги, и несут в себе чёткий отпечаток пристрастий рецензента, отредактировавшего и даже драматизировавшего мысли А. Ашкерова. Автор гораздо легче относится к реальности, он успевает поговорить и о судьбе образования и университетов, и о клерикализме, и о свободе, и о многом-многом другом, интересном и актуальном.

Новая лёгкость бытия?

Стоит остановиться на некоторых особенностях исследования и авторского изложения, они во многом определяют как сам результат, так и восприятие его читателем.

Первую характеристику можно обозначить как **герметичность**.

Мысли автора кажутся крайне непрозрачными, непроницаемыми и замкнутыми. Уже сами термины, с помощью которых нам объясняют феномен экспертократии в современном обществе, останавливают мысль. Заглянуть внутрь предлагаемых смыслов невозможно.

«Ультракапитализм», «неофеодализм», «информационная экономика», «общество, основанное на знаниях» и многое-многое другое щедро встречает нас на страницах книги, иногда вкупе с вальжной полурасшифровкой, а иногда и вовсе без пояснений. Лёгкость трансформаций одних сущностей в другие вообще заволаживает. «Псевдотрадиционализм российской олигархии» перетекает в «неофеодализм», который является «гиперполитическим», и, в свою очередь, переходит в «ульракапитализм» (с. 86-87). Самореализующиеся программы влекут нас к новому информационному обществу, в котором эксперты несут бремя

власти, осуществляя «стратегию систематического овеществления слов, которые становятся более весомыми, чем сами вещи» (с.35). При этом эксперты предстают то оценщиками (с.36), то судьями (с.37), то проводниками (с.38), то сценаристами (с.40), а ещё агентами «цинического разума» (с.41), сумасшедшими изобретателями (с.44), смыслократами (с.46), и, в конце концов, видимо, как венец всего этого — слугами (с.48). Такое многообразие ролей экспертов скорее напоминает набор возможных опций, своеобразное меню интеллектуальных позиций, из которых вроде бы можно выбрать всё, что угодно.

Подобная закрытость, герметичность странным образом противоречит цели любого исследования — разобраться и прояснить какой-либо вопрос.

Вторая важная характеристика интеллектуального метода автора — **холодность**, которая присуща всякой искусственной конструкции, где не живёт мысль. Конструкции, которая сложена лишь для того, чтобы придать смысл самому существованию автора, защитить его. Отстранённое отношение автора и к объекту своих научных штудий, и к главному объекту всех гуманитарных наук — человеку, мешает рассмотреть движущую силу, нерв описываемых социальных процессов. Они предстают в книге в виде довольно холодных, мёртвых схем. Мне на минуту представился образ Кая, сидящего во дворце Снежной Королевы и собирающего из льдинок слово «экспертотократия».

Еще одно свойство книги связано с **внеисторичностью** и даже антиисторичностью рассмотрения. Трудно отделаться от ощущения дежавю, ведь описываемые перипетии взаимодействия власти и носителей знания уже имели место в истории. И почти все они, начиная с сицилийских экспериментов Платона вплоть до великих прожектов конца XIX — начала XX веков, несли в себе определённый элемент трагедии.

Многие проблемы, которые силой своего молодого философского разума пытается разрешить А. Ашкеров, нашли своё отражение в классической книге Жака

Суверенная экспертократия, или Сны о чём-то большем

Ле Гоффа «Интеллектуалы в Средние века»⁴ — это проблема интеллектуалов и власти, проблема передачи знаний, развитие и кризис университетских институций и носителей университетских традиций и т.д. Пусть сейчас изменились многие условия. Но философские рассуждения, помещённые в компетентный исторический контекст, дали бы гораздо больше самой философии, представляется мне. Иными словами, у нашего автора София осталась в долгу у Клио.

И, наконец, последняя в списке характерных особенностей книги Ашкерова — **метафизичность**.

Необходимость в исследовании эмпирического материала хорошо понимает и сам автор, заявивший на презентации своего труда, что «недостатком его работы является отсутствие кейсов»⁵. Хотя дело, скорее всего, не в тех кейсах, которые иллюстрируют и дополняют теоретический обобщающий материал, а в кейсах, на основании которых сделаны обобщения. Этого в работе крайне не хватает. Личный опыт бытования в качестве эксперта «одного из немногих отечественных публичных мыслителей», а он, конечно, есть, был бы едва ли не интересней всех рассуждений, представленных в книге.

Недостаток эмпирики лихорадочно пытается восполнить автор послесловия О. Меняйчев. Его текст, озаглавленный не менее громко — «Тупик экспертократии и перспективы философии» — напоминает неискущённому читателю обо всех неудачах и провалах интеллектуалов последних 200 лет:

«... все эти улучшения и «новости» есть лишь имитация новаторства. И ровно так же обстоит дело во всех сферах жизни».

... В политике мы уже 250 лет носимся с «демократией» и не только не можем придумать новый дискурс, но даже не признаём такую задачу...

... Со времён Локка и Монтескье никто не выдумывает ничего в системе управления государством...

⁴ Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. Спб., 2003.

⁵ См. Экспертократия. Опыт автоэкспертизы // <http://www.liberty.ru/Themes/Ekspertokratiya.-Opyt-avtoekspertizy>

...Где новые источники энергии? Где безотходное производство? Где лазерные бластеры и «пыльные тропинки далёких планет»? Где роботы, которые полностью заменили человека на производстве и дали ему свободное время для творчества?

...Медицина вызывает сильные подозрения в шарлатанстве, ей несколько тысяч лет, а она не научилась даже насморк лечить...

И так далее. Создается впечатление, что старший товарищ А. Ашкерова страшится, что экспертократия, выстроенная усилиями некоторых интеллектуалов скорее в головах, чем в реальности, является классическим замком, построенном на песке. И он может легко рухнуть, унося с собой в небытие и самих экспертократов.

Сеанс саморазоблачения и вкупе разоблачения самого А. Ашкерова на этом не кончается. Автор послесловия почти с гордостью пишет о своём опыте интеллектуальной деятельности:

«Будучи студентом в конце 80-х - начале 90-х, я присутствовал при зарождении тенденции, которая сегодня в образовании господствует. Речь идёт о симуляции.

Большое количество студентов ... просто заказывали старшекурсникам и аспирантам написание рефератов, курсовых, дипломов, а затем и диссертаций. Я стоял у истоков этого бизнеса и жил им почти 10 лет».

Похоже, что сегодня этот вид бизнеса нашел своё более прибыльное и более разрушительное продолжение в сфере, далёкой от сферы образования. Не ошибёмся, если назовем этот вид бизнеса тем же словом, что и рецензируемая книга: «Экспертократия».

В заключение, я ещё раз возвращаюсь к Артуру Шопенгауэру. Он, после своих настойчивых требований читать свою книгу не менее двух раз, всё же, смилостивившись, предлагает следующее:

«Читатель...купил книгу за наличные деньги, и он спрашивает, как ему возместить убыток. Моё последнее средство защиты — это напомнить ему, что он властен, и не читая книги, сделать из неё то или другое употребление. Она, как и многие другие, может заполнить пустое

место в его библиотеке, где, аккуратно переплетённая, несомненно, будет иметь красивый вид. Или он может положить её на туалетный или чайный столик своей учёной приятельницы. Или, наконец — это самое лучшее, и я ему особенно это советую — он может написать на неё рецензию»⁶. Что я и сделал по отношению к книге Андрея Ашкерова. Оставляя за собой и читателем право проделать с этой книгой всё перечисленное немецким философом, и даже более.

17 мая 2009 года

⁶ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Соч. в 5-ти томах. М, «Московский клуб», т.1., 1992. С.43.